

Т. В. Кулагина
*Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова*

И. А. САЛОВ О ДУХОВНОМ КРИЗИСЕ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ

Повесть И. А. Салова «Николай Суетной. История одного крестьянина» (1881) – это художественное исследование причин полного обнищания мужика деревни Дергачи Николая Суетного. Писатель связывает это обнищание с общим кризисом духовных устоев русской пореформенной деревни. Рассказ писатель вкладывает в уста в прошлом глубоко православного крестьянина, а теперь сектанта-молоканина, свояка Николая, Абрама Петровича.

Николай получил в народе кличку Суетной за своё трудолюбие, связанное с неизбывным желанием выбиться из нищеты. Продолжая традиции Тургенева, в характере этого героя Салов соединяет черты Калиныча и Хоря. Портретная его характеристика напоминает Калиныча и всю группу героев, к нему относящихся: это был «тщедушный мужичок, в коротеньком полушубчике, в картузе с разодранным козырьком, с засученными выше колен портками и с рыженькой козлиной бородкой» (1 : 176). Подобно Калинычу, Николай Суетной тонко чувствует жизнь природы. Он удачливый рыболлов и талантливый охотник. «Охотник Суетной был страстный и неопенимый. Он знал, где и в какое время держатся бекасы, дупеля, гуси, куропатки, утки; знал, когда преимущественно берет лещ, окунь, головль; подслушивал, где именно “квохчут сомы”, ставил на это место перемёт, и сомы попадали на крючки. “Вот здесь бесприменно заяц будет!” – скажет, бывало, указывая на какой-нибудь кустик полыни, и действительно, заяц поднимался именно из этого куста. <...> Суетной предсказывал бурю, грозу, дождь, засуху, и предсказания его почти всегда сбывались» (1 : 203).

С другой стороны, подобно тургеневскому Хорю, Николай практичен и трудолюбив. «Подобные люди, склонные к созерцанию явлений природы, большею частью подвержены мечтательности в ущерб обыденным хозяйственным занятиям, но Суетной и в хозяйстве своем был тем же неутомимым и тягучим. Занимаясь охотой, грибами, рыбной ловлей, он и в хозяйстве своем ничего не упускал из вида. Хлебопашца усерднее Суетного не было, кажется, во всей округе. Он снимал землю у соседних землевладельцев и только в крайних случаях прибегал к найму работников. Он и сын его Нифатка делали все сами, собственными руками своими. Сами пахали, сеяли, сами косили, сами молотили и сами же свозили хлеб свой на базары. Эта страсть избегать чужой помощи и все делать самому доходила в Николае до смешного и упрочила за ним навеки кличку «Суетного»...» (1 : 204).

В отличие от Тургенева, схватывающего лишь поэтические стороны народных характеров, Салов глубоко проникает в хозяйственную жизнь крестьянина. И охота, и рыбалка, и практическая цепкость Николая, при всей их «поэтичности», имеют чётко выявленную автором материальную подоплёку. И плоды своей

охоты, и излишки хлеба Николай продаёт, чтобы на вырученные деньги построить себе новую избу и зажить, наконец, в покое и достатке.

«– Ну, а с ружьем-то ты часто ходишь? – спросил я Суетного, когда тот, вдоволь нахохотавшись и снова послав Нифатку ловить раков, закинул мою жерлику.

– Как свободное время выдастся, так и марш. Я люблю так стрелять, чтобы сразу штук пять-шесть положить. Времена-то ноне больно тяжелые подошли, тоже ведь пить-есть хочется... где-нибудь доставать надоть... Одних податей чёртову прорву платишь. Сидим мы на малом наделе, землю нанимать приходится, покосы тоже, расходы под скотину опять-таки даром не дают. Земли дорогие стали... Под рожь-то пятнадцать рубликов подай за десятинку... зевать-то и некогда... Вот завтра с круговой уткой селезней колотить закачусь... Охота важная!» (1 : 171).

Николай верен старым крестьянским традициям. Он с почтением относится к деревенскому «миру». «“Одного-то человека сейчас подшибить можно, а общество-то небось не скоро подшибешь. Все одно что в обозе ехать – аль одному. Один-то едешь, и недобрый человек тебя и обидеть может, и метель закрутит тебя, завертка лопнет, так и ту не скоро справишь, а в обозе, с людьми все нипочем. Как возможно, один человек аль общество!” Суетной не пропускал ни одной сходки и хотя на сходках этих не принимал участия ни в прениях, ни в распитии водки, а всё-таки шел, садился на завалину и слушал, что говорили старики» (1 : 206–207).

Однако от старой крестьянской общины в новой России не осталось и следа. В критическую минуту жизни, когда его сын Нифатка сошёл с ума, когда семья терпит страшное бедствие, Николай, как к последней надежде, обращается к народному «миру» за помощью: «Но мир молчал, да так молча один по одному и разошелся. – Бога вы не боитесь! – вскрикнул Суетной. Но вопля этого не слышал никто, ибо в минуту эту у волостной, кроме сторожа, никого уже не было» (1 : 235).

Падение нравов в крестьянской общине связано, по Салову, не столько с экономическим, сколько с духовным обнищанием народа. И это обнищание Салов связывает с кризисом, который переживала в конце XIX века русская православная церковь. Как же «окормляют» свою паству православные пастыри? До реформы они произносили проповеди, «гласившие об обязанностях раба к своему господину». А после реформы это «окормление» свелось к следующему: «Как, бывало, захочется попу поесть послаще, так он и к Суетному, да не один еще, а с матушкой, во время же каникул и сына захватит. А сын был семинарист здоровенный, пучеглазый, из философского класса, рот чуть не до ушей, нос с перехватом, как просфора. “А я к тебе матушку, да детище свое кровное привел!” – проговорит, бывало, толстобрюхенький батюшка, и все втроем сейчас же за стол залезут» (1 : 211).

Бессильными оказываются такие православные пастыри в борьбе с молоканской ересью, начинающей проникать в деревенский «мир». Именно среди молокан сохраняется старая мирская солидарность, чувство локтя и готовность прийти на помощь ближнему в критическую минуту его жизни. Салов показывает это на примере жизненной судьбы свояка Николая Суетного, Абрама Петровича. Когда он перешёл к молоканам и получил от них поддержку,

в прошлом безалаберный мужик Абрашка встал на ноги. «Взялась за дело полиция, следователь, засадили Абрама Петровича в острог, предали суду за распространение лжеучения, но так как никаких улик не оказалось, то Абрам Петрович и выпущен был из острога. Молоканство между тем все распространялось, и не раз было замечено, что как только поведет кто знакомство с Абрамом Петровичем, так и в церковь перестанет ходить. Жигулевский барин скатал в город, наболтал архиерею, что всему виною старый, из ума выживший поп, начал просить о присылке молодого и ученого. Старого попа по шапке и заменили новым. Приехал молодой с воротничками, запонками и цепочкой» (1 : 192–193). Но через некоторое время молокане по-своему «успокоили» этого молодого попа: «У него появилась парочка добреньких лошадок, у матушки бархатная ротонда с куньим воротником, и поп повеселел. “Дух времени!” – говорил он и, оставив в покое молокан, принялся сочинять таксу для православных. При виде этой перемены молокане только ухмылялись, но упорно молчали. Так “молоканский вопрос” и канул в вечность» (1 : 193).

О результатах «духовного» окормления православных крестьян такими их пастырями внушительно рассуждает в повести молоканин Абрам Петрович. Именно он является носителем христианской точки зрения на всё происходящее в Дергачах. Даже портрет его напоминает о религиозном благочестии: «Редко можно встретить такую благообразную наружность, какую был одарен Абрам Петрович. Это был мужчина лет пятидесяти, довольно высокого роста, плотный, благовидный... точно апостол какой-то!» (1 : 186–187).

Именно он вершит суд над потерявшими образ Божий мужиками: «Совсем народ избаловался. Вот Господь маленечко полями-то порадовал, народ на радостях-то и давай пьянствовать! <...> Вот разгневают Его Батюшку, Он и прихлыстнет: град напустит, засуху, мглу али что другое... Трудиться бы надо да Господа Бога молить, чтобы возрастил хлебец-то, да прибрать бы помог, а они пьянствовать начали! <...> Ведь сам знаешь, каков ныне мужик-ат стал. <...> Тут повсюду благодать земная: солнышко тёплое, росы благодатные, земля-кормилица, травка зелёная, а он кочевряжит! Ни совести, ни стыда, ни страха Божьего» (1 : 182–183, 194).

Результатом духовного помрачения является и материальное обнищание православной крестьянской общины. Абрам Петрович с грустной иронией сравнивает немецкое село с русским: «Вот как-то недавно я в немецкой колонке был... Меня даже досада взяла, как эти немцы аккуратнo дело ведут. И нельзя ведь сказать, чтобы народ уж очень умный был, пожалуй, глупее много мужика нашего, а насчет аккуратности говорить нечего, молодцы. Живут – посмотреть любо. Домики чистенькие, перед каждым домиком садик, улицы выметены, вокруг кирпичи чистота, колодцы, мостики, больничка есть, аптечка, школка небольшая, труба пожарная... едят сладко, спят мягко! А рядом русское село... Смотреть тошно! И земли столько же, сколько у немцев, село казённое, и земля одинаковая, и река тоже протекает, а смотреть тошно» (1 : 197).

Трагичен финал повести. Окончательно разорённый Николай Суетной решает перейти в молоканскую веру. «Как только остался он один, упал на колени перед образами, залился слезами и принялся молиться... Плакал и молился он

долго, часа два... Затем снял иконы, приложился к ним, обошёл с ними избу, двор весь, окрестил ими всю скотину, завязал бережно в узелок и отнёс к бабушке» (1 : 235). Но на другой день вернулся из сумасшедшего дома сын его Нифатка и, даже не узнав отца, молча прошёл в избу: «Бабушка! – прошептал он, как-то испуганно взглянув на образницу, – где же иконы святые? где же Заступница скорбящих, Миколай угодник, Михаил архистратиг? где же они? кому же молиться-то... а?» (1 : 236). И тогда отчаявшийся Николай Суетной повесился на придорожной ракете. А свояк его, Абрам Петрович, сказал: «Молоканство, вишь, принять – грех, а повеситься – ничего!» (1 : 238).

Библиографический список

1. Салов И. А. Грачёвский крокодил. Повести и рассказы. М., 1984.

Н. Г. Морозов

*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова*

МОТИВ «ФУТЛЯРНОЙ» ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «МОЯ ЖИЗНЬ»

В повести А. П. Чехова «Моя жизнь» все повествование идет от лица главного героя, дворянина Мисаила Полознева, проживающего в одном из среднерусских провинциальных городов. Этот герой лишь с первого взгляда кажется неудачником, человеком со странностями, за что и подвергается резкому осуждению со стороны отца и добропорядочных обывателей.

Первая часть повести «Моя жизнь» построена таким образом, что главный герой даёт выговориться всем, кто имеет претензии к нему в связи с беспутной и нескладной жизнью героя, упорно не желающего делать карьеру человека, занимающегося «умственным трудом» (по выражению Полознева-отца). Но в определенный момент Мисаил не выдерживает и начинает давать оценки всему, что окружало его с детских лет и с чем он не может более соглашаться. Герой начинает объяснять читателям истинную причину своего поведения, в чем-то напоминающего позицию Ильи Ильича Обломова, отвергающего варианты Волкова, Судьбинского, Пенкина, а затем и планы Штольца заодно с его «ученицей» Ольгой Ильинской. Мисаилу, как и его литературному предшественнику Обломову, претит фальшь, лицемерие и бездарная, бескрылая жизнь, которую ведут горожане и его отец.

Важное значение в раскрытии мысли автора, связанной с конфликтом отцов и детей, имеет разговор Полознева-старшего с Мисаилом по поводу ужасной, с точки зрения почтенного архитектора, ситуации, в которой оказался его единственный сын и наследник. Мисаилу Полозневу уже 25 лет, у него серебрятся виски, а он до сих пор не сделал успешной карьеры, «не окончил в университете»,